
ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

ПРАВО И МОРАЛЬ
(КРИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА И СОВРЕМЕННОСТЬ)

© 2013 г. Елизавета Александровна Фролова¹

Краткая аннотация: в статье рассматриваются проблемы соотношения права и морали. Право и мораль – элементы нормативной системы общества и формы оценочного мышления. Излагаются основные теоретические подходы к пониманию природы, содержания, назначения права и морали.

Annotation: this article deals with the relationship between law and morality. Morality and law – elements of a regulatory system of the society and the evaluation forms of thinking. Outlines the main theoretical approaches to understanding the nature, content and purpose of law and morality.

Ключевые слова: норма, мораль, закон, право, философия права, Кант, долженствование, естественное право.

Key words: norm, morality, legal, law, philosophy of law, Kant, obligation, natural law.

В литературе по теории, философии, социологии права мораль и право относят к наиболее важным элементам нормативной системы общества: их основное назначение – регулирование общественных отношений. Вместе с тем, право и мораль являются примерами форм оценочного мышления, которые позволяют лицам ориентироваться в социальных отношениях, выстраивать системы общественных координат и определять их приоритеты.

Социальные нормы образуют не только систему регулирования в обществе, но и систему социальной ориентации, где каждая личность занимает определенное положение и формирует к этой системе собственное отношение: приспосабливается, желает в чем-то ее реформировать или изменить полностью².

Социальные нормы – важная часть духовного мира. Они являются конструкцией образа жизни общества.

Мораль – составляющая духовного и социального бытия человечества, необходимый регулятор поведения людей. Специалисты не раз отмечали двойственность природы человека: природа заложила в нас две способности для двух различных целей, а именно: для человечества как животного рода и для него же как рода нравственного³.

В XVII–XVIII вв. господствовали индивидуалистические теории, отрицавшие связь интересов отдельных личностей (право) с их нравственной оценкой. Объясняя общественные явления, эти теории исходили из представления об отдельном обособленном человеке и все социальные отношения рассматривали как установления сознательной воли индивидов. С точки зрения индивидуализма требовалось только внешнее устранение вторжения в естественные свободы каждого лица.

В начале XVIII в. немецкий мыслитель Х. Томазий первым четко разграничил право и нравственность. Основной принцип права он определил правилом: “Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы тебе делали”; т.е. к праву ученый отнес правила отрицательного характера. Нравственность, наоборот, по его мнению, характеризуется положительными формулами, определяющими обязанности по отношению не к другим лицам, а к самому себе. Следовательно, основное правило нравственности гласит: “Делай другим то, что ты желаешь, чтобы тебе делали”.

Таким образом утверждалось различие правил нравственности и права по содержанию и по формам своего осуществления.

Нравственные обязанности доводятся до человека в форме *совета*; правовые обязанности предписываются как *веления*, т.е. требования, несоблюдение которых влечет меры государственного воздействия. Государственная власть, обладающая аппаратом принуждения, заботится о надлежащем выполнении юридических обязанностей своими гражданами, однако в область

¹ Доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук.

² См. об этом, например: *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 154.

³ См.: *Кант И.* Предполагаемое начало человеческой истории // В кн.: *Кант Иммануил.* Соч. на нем. и рус. языках. М., 1994. С. 175.

нравственных обязанностей она не должна вмешиваться.

Последующие мыслители XVIII в. развили данное противоположение морали и права.

И. Кант считал основным началом права требование, согласно которому каждый должен действовать так, чтобы его свобода совмещалась со свободой всех лиц и каждого отдельно. Юридические нормы предполагают принуждение и регулируют внешнюю сторону человеческих действий. В связи с этим право, по теории Канта, должно обеспечить совместный порядок существования многих личностей, упорядочив их отношения формальными правовыми принципами.

Для XVIII в. отстаивание свободы совести и других индивидуальных свобод вопреки тотальной правительственной опеке было прогрессивно. Отделение права от морали предполагало индифферентность права по отношению к сфере морали: право не должно регламентировать внутренний мир человека и стеснять индивидуальную свободу.

Однако, несмотря на историко-прогрессивную роль этого разграничения, возникали теоретические вопросы противопоставления права и морали.

Если признать, что право безразлично к требованиям морали, это неизбежно приведет к тезису о вседозволенности и произволу в правовой области; четкая реализация правовых норм фактически может оказаться несправедливостью: *summum jus, summa injuria*. В последующей политико-правовой мысли такие крайности разграничения права и морали постарались сблизить. Право в реальной жизни не обособляется от морали: оно не отграничивается только лишь внешней стороной человеческих действий, а оценивает и внутренние стимулы поступков. Так, например, для установления договорных обязательств требовалось действительное согласие воле участников правоотношения, а не только (и не столько) их внешнее согласие⁴. К тому же мораль требует не только благих помыслов, но и конкретных добрых дел⁵.

⁴ На этом положении Гегель в § 83 “Философии права” выстраивал иерархию “неправды”: 1) “непреднамеренное неправое”; 2) обман; 3) преступление (злой умысел); в зависимости от мотивации поведения к правонарушителям применялись различные виды юридической ответственности (см.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 138, 139).

⁵ Выражение римского поэта *In magnis voluisse sat est* (в великом достаточно того, что хотят его) верно в том смысле, что “надо хотеть великого; но надо и уметь его совершать: в противном случае это веление ничтожно. Лавры одного лишь веления – сухие листья, которые никогда не зеленеют” (см.: там же. С. 169).

В конце XVIII – начале XIX в. к теоретическим проблемам соотношения права и морали обратились многие известные правоведы, что было предопределено двумя основными причинами. Во-первых, необходимостью идейного обоснования зарождающихся отношений гражданского общества, становления законности, формирования правового государства (религиозные догматы и теория естественного права в классическом выражении в качестве идейных авторитетов были уже исчерпаны). Во-вторых, необходимостью решения проблем соотношения права и морали с точки зрения развития новых наук (антропологии, социологии, психологии).

Для XIX в. был очевиден факт общественной зависимости людей. С развитием капиталистических отношений ухудшилось положение основной части населения, что привело к критическим оценкам буржуазного общества за его эгоизм и антигуманное отношение к экономически незащищенным лицам. Целью права признали реализацию нравственных предписаний.

Особый вклад в исследование проблематики социальной природы права и морали внес представитель критической философии Г. Радбрух. Согласно его подходу право – это понятие культуры; нравственность относится к ценностным категориям. По Г. Радбруху, подлежат сравнению два ценностных понятия: справедливость и нравственность или два культурных: право и мораль⁶.

Специалисты часто обращают внимание на внешне формальный характер права, отличающий его от внутреннего содержания морали. Радбрух выделял четыре различных значения этой характеристики права и морали.

Во-первых, право рассматривают как совокупность норм и принципов, регулирующих общественную жизнь. Однако нельзя утверждать, что право опосредует исключительно внешнее поведение (внутреннее поведение может вызывать юридические последствия, как это проявляется, например, в определении формы вины). Моральные оценки вопреки распространенному мнению не ограничиваются лишь мотивацией поступков⁷.

Морально значима только проявившая себя воле; воля отличается от влечения своей ак-

⁶ См.: Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 49.

⁷ Нет заслуги в “святых желаниях”, которые не воплотились в конкретных поступках или в “благих намерениях”, которыми вымощена дорога в ад (см.: там же. С. 50).

тивностью; только действием подтверждается ее бытие, и, следовательно, можно (и должно) в этом случае распространять область морали на поведение человека. Деятельность человека подлежит моральной оценке, как и внутреннее состояние индивида не исключает правовой.

Различие предметов регулирования морали и права проявляется согласно подходу Радбруха в разной направленности их интересов: внешнее поведение интересует мораль настолько, насколько оно подтверждает внутреннее поведение. Внутреннее душевное состояние попадает в область действия права только в той мере, в какой оно позволяет оценивать поведение субъекта права⁸.

Во-вторых, антитеза “внешнее – внутреннее” (“форма – содержание”) служит средством раскрытия целевого назначения права и морали. Правовая ценность характеризует действие как “хорошее” в отношении других лиц, с точки зрения морали оценивается поведение просто как “хорошее” (вне рамок общества).

В правовой сфере имеются категории “обязанность” и “долг”; в моральной области – только “долженствование”. Не существует моральных обязательств по отношению к другим лицам в смысле притязаний к их исполнению⁹.

В-третьих, различие и противопоставление понятий “внутреннее – внешнее” касаются неодинаковой природы правовых и моральных обязательств: мораль требует выполнения человеком своих обязанностей только в силу долга, право допускает и другие побудительные мотивы для исполнения обязательств. К различению категорий “моральность” и “легальность” ученые относились по-разному¹⁰.

⁸ “Если образ мыслей лишь в качестве симптома будущих действий подлежит правовой оценке, то, с другой стороны, действия, если они рассматриваются лишь как симптомы образа мыслей, не регулируются правом. Отношения, выраженные в действиях, значимость которых определяется не по тому, каковы они есть на самом деле, а согласно тому, что они выявляют в душе преступника, должны оцениваться положительно с точки зрения морали. Так, например, в дружеских отношениях право отступает перед дружбой. В дружбе внешнее поведение вторично и не имеет самостоятельного значения. Значимо лишь то, что подтверждено образом мыслей как доказательство дружбы” (там же. С. 51).

⁹ “Если тебя ударили по правой щеке, подставь левую, а если кто в споре потребует твое платье, отдай ему также пальто”. Эта заповедь не наделяет правом на пощечину и на чужое пальто. Ее цель – показать ничтожность, недействительность прав как с одной, так и с другой стороны (см.: там же. С. 52).

¹⁰ Так, например, Радбрух обращал внимание на противоречивый характер выражения “правовой долг”. Согласно Канту мораль требует “нравственности”, право – “законности”. Различие верное. Неверно только толковать его как различие в способах обязывания (см.: там же. С. 53).

Категории “моральность” и “легальность”, по учению Радбруха, означают, что только моральная норма обладает *волевой* природой, позволяющей индивиду свободно выбирать решение о своем долге; природа правовых норм – поведенческая. Кроме того, предметом воздействия морали является индивид с мотивацией своих поступков; с помощью права регулируются общественные отношения, действие правовых норм направлено преимущественно на внешнее поведение лиц (а не на внутренние побудительные мотивы поведения индивидов)¹¹.

Таким образом, понятие “легальность” – особенность не только права. Эта категория является признаком и логических, и эстетических ценностей, предметом которых не является индивид.

Согласно учению Радбруха изначально нормы права не имели нормативного характера. Они состояли из оценочных, а не предписывающих должное поведение норм и тем самым являлись критерием регулирования отношений лиц в обществе. Однако кроме оценочного назначения право имеет другую важную функцию: оно призвано направлять действия людей (стимулировать поощрениями или препятствовать запретами). Правовые нормы со временем стали ассоциироваться в основном с запретами и приказами (т.е. с “велениями”), в ценностной характеристике которых воля не принимает участия¹². Норма как цель призывает к нравственности, веление требует легальности. Таким образом, суть правового веления проявляется не в действиях, а в том, чтобы побуждать к определенному поведению, т.е. в воздействии.

В-четвертых, формализм права и содержательность морали проявляются в разной ценности их источников. Право по своей природе “гетерономно” (подчинено внешним предписаниям); мораль – “автономна” (самозаконна, каждый индивид налагает на себя предписания морали самостоятельно в соответствии с нравственной природой своей личности).

¹¹ См.: там же. С. 53.

¹² Отличие между “велением” и “нормой” хорошо представлено Радбрухом на примере выражения “Исполни свой долг!”. Это – веление (так как оно высказано и воздействует на волю человека) и норма (поскольку обладает значением, ценностью, долженствованием). Однако не всегда содержание нормы и веления связаны между собой. Норма – это возможность, которая стремится стать целью. Веление – только средство достижения цели. Норма требует должного поведения, веление направлено на поведение, мотивированное своим предписанием (см.: там же).

Ученые обращали внимание на противоречивость гетерономного обязательства: чужая воля навязывает “должное”, если этот процесс сопровождается каким-либо *принуждением*. В праве одновременно присутствуют и “воля” (тогда необходимо отказаться от императивности в обязанностях права), и “долженствование” в смысле “автономии” (требование нравственной личности в области правового регулирования)¹³.

По содержанию предписаний нормы права и морали совпадают лишь частично; их связь проявляется в том, что мораль является целью права и, как следствие этого, функцией его обязывания.

При всем различии природы и содержания правовых и моральных предписаний, тем не менее, высказывается положение, что только мораль может обосновывать правовые обязанности. Нормы права как веления воли можно вывести из категории “должного” в силу необходимости. Однако из правового долженствования нельзя вывести понятия морального долга. Исходя из этого, ученые делали вывод о частичном присоединении права к области морали: нормы права становятся специфической нормой морали¹⁴.

Такая “спецификация” правовой нормы в сфере морали имеет двойную ценность. Правовые обязанности в социальной этике рассматриваются как моральное благо. Наряду с тем, как логические законы научной истины не принижают их самостоятельности и значения, а наоборот, возвышаются к общепризнанным понятиям, так и независимость правовых категорий сохраняется при оценке их с позиции “культурных обязанностей”, т.е. с точки зрения морали¹⁵.

Признание права частью морали возможно только потому, полагал Радбрух, что целью права (при всем многообразии его содержания) является мораль. Право служит морали не посредством возложения правовых обязанностей (правовыми санкциями нельзя принудить к моральному поведению), а с помощью прав: позитивное право гарантирует лицам субъективные права с тем,

чтобы эти права обеспечивали индивидам выполнение моральных обязательств¹⁶.

Р. Иеринг определял “борьбу за право” как “обязанность морального самоутверждения”. Идеальный тип борьбы за право предполагает защиту каждым человеком своего достоинства, выраженного в форме борьбы за общественные интересы¹⁷.

Однако в реальности право может выступать средством как обеспечения человеческого достоинства без учета собственных интересов, но может мотивироваться эгоистическими интересами, лишенными моральной ценности. Таким образом, право является возможностью как морали, так и аморальности.

Этика как философская дисциплина, изучающая мораль в целом, включает в себя деонтологию (наука о должном) и аксиологию (наука о ценностях). В деонтологии изучаются предписания нравственности, обязанности, соотношения между должным и фактическим. Аксиология исследует понятия добра и зла, представления о справедливости, достоинстве личности, нравственные оценки поведения людей¹⁸.

Моральные нормы строятся по принципам абсолютной деонтической логики, т.е. предписания морали сводятся к обязыванию или запрету, адресованному отдельным лицам. Правовые нормы выстраиваются по принципам относительной деонтической логики, выражающей представительно-обязывающий характер права.

Мораль – важнейшее духовное средство сплочения общества или какой-либо ее части. Она, как и право, способствует созданию “замыренной” среды в социуме. Предписания морали адресуются человеку вообще; так называемая общечеловеческая мораль призывает людей к единению на основе признания достоинства каждой личности

¹³ Там же. С. 55, 56.

¹⁴ О правовых нормах, об обязанностях, о долге в правовом смысле, о действии права можно говорить в том случае, если веления совести человека наделены обязывающей силой морали (см.: там же. С. 56).

¹⁵ “Кант вполне прав, – замечал Г. Радбрух, – что все обязанности лишь потому обязанности, что они принадлежат этике; но касающееся их законодательство не всегда поэтому содержится в этике; законодательство многих обязанностей находится за ее пределами” (см.: Кант И. Метафизика нравов. Т. 6. С. 241; Радбрух Г. Указ. соч. С. 57).

¹⁶ Первичную форму права теоретики и философы права видят по-разному. Теоретики права выстраивают логическую цепочку таким образом: объективное право, юридическая обязанность, субъективное право. В философии права логика понятий другая: во имя морального долга – субъективное право; ради субъективного права – объективное право и юридическая обязанность (см.: Радбрух Г. Указ. соч. С. 58).

¹⁷ См.: ф. Иеринг Р. Борьба за право // В кн.: ф. Иеринг Р. Избр. труды. В 2-х т. Т. 1. СПб., 2006. С. 24–36 и др.

¹⁸ Деонтологической этике в юриспруденции соответствует учение о правовой норме и ее структуре, формальном характере норм права, системности права и др. Эти вопросы предметно изучаются в рамках формально-догматической юриспруденции (см.: Лейст О.Э. Указ. соч. С. 177, 187 и др.).

(“человек есть мера всех вещей”, “будь лицом и уважай других в качестве лица”).

Право и мораль обеспечивают социальный порядок, однако эта цель достигается ими различно. Правом регулируются действия и отношения, доказуемые в случае спора, исполнимость правовых отношений обеспечивается средствами юридического процесса. Предмет моральных оценок – это качества личности, выраженные в ее поведении.

Связь людей в праве выражается через правовые отношения (связь сторон через субъективные права и юридические обязанности); моральные отношения характеризуются взаимопомощью, солидарностью, милосердием. Право современного общества содержится в основном в письменных источниках, подлежащих систематизации (инкорпорации, консолидации, кодификации).

Мораль не имеет формальной определенности, не классифицирует факты и состояния, порождающие отношения людей, так как ситуации, в которых проявляются моральные качества личности, сложно поддаются типизации. Эти обстоятельства индивидуализированы и непредсказуемы.

В правовых текстах возможны неточности, проблемы, противоречия, в связи с чем право часто порицается за несовершенство своей системы. Моральные оценки содержатся в общественном сознании и не подлежат критике за их несовершенство.

Право, провозглашенное, но не реализованное государством (или им не соблюдаемое), вызывает недоверие к праву вообще и политическое отчуждение в обществе: государственная власть говорит одно, а делает другое. Моральные призывы и сентенции, не соблюдаемые в жизненных ситуациях, порождают разочарование в лицах, которые их провозглашают, т.е. к лицемерам, а не к нормам морали.

Право ориентировано на регулирование общественных отношений, которые подлежат формальной определенности; цель права – охрана и воспроизводство (или пресечение) определенных общественных отношений, т.е. создание и поддержание правопорядка. Цель морали заключается в формировании честной, порядочной, добродетельной личности.

В связи со сказанным можно утверждать, что нормы права выражают государственную волю, направленную на стабильный правовой порядок; в моральных нормах выражаются представления о добре, положительных качествах личности и отношениях между людьми, характерных для данных времени и общества.

Деяние, противоречащее праву, называется правонарушением; лица, нарушившие запреты норм права или не выполнившие своих обязанностей (либо ненадлежащим образом выполнившие), – правонарушители. Человек, нарушивший требования морали, именуется порочным человеком.

Нормы права обязательны для всех членов общества и государственных органов; в морали вследствие субъективности оценок то, что для одних является нормой поведения, для других оказывается только одним из возможных вариантов поведения¹⁹.

Право оценивает действия людей и обращается к мотивации поступков только в тех случаях, когда эти мотивы влияют на квалификацию этих действий либо их последствий. Для моральных оценок мотивация поведения имеет принципиально важное значение: поступок (внешне нравственный) не будет соответствовать предписаниям морали, если его стимулами являются иные (аморальные) побуждения. Право определяет и регулирует внешний порядок, с ним связаны социальные ожидания стабильности этого порядка.

Определенные ожидания, связанные с моральной оценкой людей, основываются на нравственном облике человека и его моральной репутации (человек надежный, последовательный в своих поступках, выполняет данные им обещания, не отличается сиюминутными сменами настроений, влекущих изменения важных решений, и т. д.).

В эпохи войн, мятежей, революций, т.е. в периоды общественной нестабильности, мораль деформируется: она сводится к отстраненности от политических дел, призывает уйти во внутренний мир человека (стойки). Проблема заключается в том, что одновременно с этим мораль по существу не призывает к смирению и непротивлению злу: во все времена нравственный человек обязан помогать слабым, бедным, угнетенным членам общества.

Одной из основных причин противопоставления права и морали является формальная определенность права: право своей регламентацией может уравнивать жизненные обстоятельства, различные с точки зрения морали, или, наоборот, может по-разному оценивать ситуации, одинаковые с моральных позиций. (Не без основания еще древние утверждали: чрезмерно точное следование праву порождает наивысшую несправедливость.)

¹⁹ См.: там же. С. 166, 175, 176.

Для теоретического исследования природы права и морали в качестве самостоятельных социальных явлений необходимо, как было показано, их разграничение. Вместе с тем не все ученые придерживались этого мнения, например некоторые правоведы конца XIX – начала XX в. полагали, что противоположность права и морали как возможного (право) и должного (мораль) снимается в высшем единстве²⁰.

Большую известность получило определение права как “минимума нравственности”, хотя в это понятие вкладывалось разное содержание.

Г. Еллинек видел в праве этический минимум, т.е. совокупность нравственных требований, соблюдение которых на данном этапе общественного развития является, безусловно, необходимым. Право, по его мнению, – это только часть нравственности, составляющая необходимое условие общественного порядка. Рассуждая о безжалостных действиях кредитора, государствовед писал: “Безжалостный заимодавец, отбирающий у бедного должника его последнее достояние, поступает безнравственно, но не противоправно. Это противоречие, однако, разрешается, если понимать право с его этической стороны, как минимум, нравственно необходимого. Хотя этот заимодавец действует и не безнравственно, выколачивая долг, но он действовал бы *более нравственно*, если бы отпустил его (долг. – Е.Ф.) должнику. При взгляде на право как низшую ступень нравственности устраняются все конфликты, которые возникают, если право и мораль представить двумя самостоятельными силами”²¹.

К сторонникам взгляда на право как на “минимум нравственности” относят В.С. Соловьева, однако в его философии содержание предписаний позитивного права не оправдывалось нравственными императивами. В.С. Соловьев справедливо полагал, что взаимное отношение между нравственностью и правом есть одно из основных вопросов практической философии. Он стремился отстоять “идеальную сущность права, обнаружить

силу права против права силы”²². Служить целям нравственного прогресса, помогать нравственному началу распространяться среди людей – вот та высшая задача права, которую подчеркивал В.С. Соловьев.

Право он относил к условиям нравственного прогресса: “Тут недостаточно одного индивидуального совершенствования лиц: необходимы соответствующие изменения общественного строя”. Правовые учреждения чрезвычайно важны для морального совершенствования, поскольку существование общества, полагал Соловьев, зависит “не от совершенства некоторых, а от безопасности всех”²³. Эта безопасность не может охраняться одним нравственным законом, который остается недействительным для людей с преобладающими противообщественными инстинктами. По отношению к последним необходимы общественная организация и юридический закон, считал философ.

В.С. Соловьев постулировал право как нечто низшее по сравнению со сферой нравственности, поскольку нормы права обращены, по его мнению, лишь к неблагоприятным элементам общества. Однако субъект права – это не только лица криминального настроя. Подобное замечание часто высказывалось в адрес взглядов философа.

Право согласно идеям В.С. Соловьева – это “принудительное требование реализации определенного минимального добра либо порядка, не допускающего известных проявлений зла”. Таким образом, объектом права могут быть только нарушаемые отношения (“зло, имеющееся в обществе”); но куда следует отнести систему устройства и охраны общественных отношений, финансовую систему, институты землепользования, наследственного, обязательственного права, цивилистику? Безусловно, уровень нравственности населения отражается на постановке правовых проблем и методах их разрешения. Оппоненты В.С. Со-

²⁰ Подчинение права нравственности было высказано в учениях органической школы. Наряду с признанием материальных благ существуют блага формальные (право и нравственность). Нравственность регулирует мотивы и цели человеческой деятельности, право определяет зависящие от человеческой воли условия осуществления моральных целей (см. оценку органической теории немецкого философа права Г. Аренса у Н.М. Коркунова: *Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права*. СПб., 2003. С. 68).

²¹ *Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания*. М., 1910. С. 61, 62.

²² “...Никакой человек ни при каких условиях и ни по какой причине не может рассматриваться как только средство для каких бы то ни было посторонних целей, – он не может быть только средством или орудием ни для блага другого лица, ни для блага целого класса, ни, наконец, для так называемого общего блага, то есть блага большинства людей”. “Принцип человеческого достоинства, или безусловное значение каждого лица, в силу чего общество определяется как внутреннее, свободное согласие всех, – вот единственная нравственная норма” (*Соловьев В.С. Нравственность и право. Оправдание добра. Нравственная философия* // *Соловьев В.В. Соч.* В 2-х т. Т. 1. М., 1990. С. 345, 347).

²³ Там же. С. 451.

ловьева справедливо считали необходимым признать за правом позитивные функции по обеспечению жизнедеятельности общества, которые с построением социально-правового государства только усиливаются²⁴.

В.С. Соловьев критически оценивал определение Р. Иеринга (право – разграничение интересов, нравственность – их оценка), считая, что оно не раскрывает сущности данных категорий. Право определяется не фактами разграничения интересов, а общей и постоянной нормой такого разграничения. Различая “нормальные” отграничения интересов от “ненормальных” и относя к праву только первые, мы тем самым производим и их оценку. Поэтому если нравственность определяется как оценка интересов, то право по содержанию входит в нравственность.

В.С. Соловьев различал право и мораль по следующим основаниям. Во-первых, безусловно, нравственное требование (например, любовь к своим врагам) – это сфера идеала, безграничного понятия. Право по своей сути ограничено. Оно требует низшей степени нравственного состояния, только фактической задержки проявлений безнравственной воли. Однако, рассуждал философ, это различие не является противоречием права и морали, поскольку с точки зрения права закон не отрицает высшего нравственного совершенства. “Право есть низший предел или определенный минимум нравственности”²⁵.

Во-вторых, исполнение нравственных требований “не обуславливается непременно” и не исчерпывается внешними проявлениями либо материальными действиями. Юридические законы предписывают определенные внешние действия. В этом положении В.С. Соловьев тоже не усматривал полярности в соотношении права и морали, так как нравственные требования не только не исключают, но и предполагают внешние поступки как доказательство своих помыслов (например, милосердие проявляется в благотворительных делах). В свою очередь, правовые предписания не отрицают внутренних состояний (хотя и не требуют их в обязательном порядке).

И нравственные, и юридические законы относятся к внутреннему существу человека

(к его воле), но нравственные нормы обращаются к ней непосредственно, а юридические – только по отношению к внешним фактам, с правовой точки зрения важно объективное выражение воли в совершении либо недопущении определенных деяний.

В-третьих, требование нравственного совершенства предполагает свободное (добровольное) исполнение. Право допускает прямое или косвенное принуждение; поскольку его цель заключается в реализации какого-либо блага (например, общественной безопасности), то принудительный характер юридических законов оказывается необходимостью (только лишь словесными убеждениями нельзя прекратить убийства, мошенничества, терроризм и др.). “Право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра или порядка, не допускающего известных проявлений зла”²⁶. Нельзя ограничиваться одними разговорами о добре вместо того, чтобы деятельно помогать ближним в ограждении их от губительных “захватов зла”.

У каждого члена общества должна быть личная свобода как условие его нравственного поведения. Существование такого общества зависит от общественной безопасности, которая должна поддерживаться принудительными законами, в связи с чем последние являются “необходимым условием нравственного совершенства”.

Правовое принуждение не делает никого добродетельным: злобный человек может проявлять свою злобу в интригах, злословии, ссорах и т.д. Однако, когда злая воля лица грозит безопасности целого общества, тогда закон ограничивает эту “свободу зла”²⁷. Поэтому для юридической оценки важна не злая воля сама по себе и не результат деяния сам по себе, а только связь намерения лица с результатом либо со степенью реализации злой воли в деянии.

Взгляды В.С. Соловьева на соотношение права и морали были предметом многих дискуссий. Известный государствовед и историк политико-правовой мысли Б.Н. Чичерин не разделял данной позиции. Он отмечал, что соединение нравственных и правовых начал порождает насильственное вторжение власти в духовный мир человека, “идеологию принудительного братства, противо-

²⁴ В идее “совершенное правовое государство должно обнять всех граждан нормами идеального естественного права, и постепенное приближение к этому идеалу возможно именно потому, что есть такие нормы всепокоряющей справедливости... и в настоящем состоянии человечества... нормы права и морали обязательны для всех” (Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 284).

²⁵ Соловьев В.С. Указ. соч. С. 448.

²⁶ Там же. С. 450.

²⁷ “Право в интересе свободы позволяет людям быть злыми, не вмешиваясь в их свободный выбор между добром и злом; оно только в интересе общего блага препятствует злему человеку стать злодеем, опасным для самого существования общества” (там же. С. 454).

речащую достоинству человека и приводящую к его полному порабощению”²⁸.

Б.Н. Чичерин справедливо полагал, что даже если только минимальная часть нравственности будет поддерживаться государственным принуждением, тем не менее, все равно возникает закономерный вопрос: кто и каким образом будет определять границы этого вмешательства в область внутреннего мира человека? Он обращал внимание на опасность данного подхода к соотношению права и нравственности, который ссылками на принципы нравственности, идеи общего блага и воли народа мог привести к тотальному принуждению членов общества²⁹.

В праве нельзя видеть только осуществление нравственности уже потому, что не все содержание права определяется нравственными началами (например, структура и порядок действия государственных органов, формы заключения договоров, нормы права, закрепляющие избирательную систему, регулирующие составление, утверждение, исполнение бюджета, и др.).

Нравственные установки у людей различны; представлений о справедливости много, они субъективны. Право едино, систематизировано, формально, оно признается и защищается от нарушений государством³⁰. Кроме того, в морали, в отличие от права, нет количественных измерений. С точки зрения нравственного должностования личность оценивается целиком³¹.

²⁸ Чичерин Б.Н. *Философия права*. СПб., 1998. С. 155, 156 и др. Оценки связи права и нравственности в философии Соловьева и учении Чичерина см.: Кистяковский Б.А. *Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права*. М., 1916 // В кн.: Кистяковский Б.А. *Философия и социология права*. СПб., 1998. С. 223 и др.

²⁹ См. об этом, например: Лейст О.Э. *Указ. соч.* С. 185 и др.

³⁰ См.: Коркунов Н.М. *Указ. соч.* С. 68, 69.

³¹ Вопреки этому положению право не только допускает, но и узаконивает денежное возмещение морального вреда: создаются схемы, диаграммы, системы исчисления причиненного морального вреда. Однако отношение к такого рода денежным выплатам неоднозначно. Категорический протест денежным компенсациям за моральный вред выражал теоретик права и цивилист Г.Ф. Шершеневич. Вознаграждение за нравственный вред есть само нравственный вред. Оно не только не восстанавливает нарушенного равновесия, но само его усиливает. Нравственный вред допускает только нравственное удовлетворение: приговор общественного мнения, приговор государственного или третейского суда. Законодательство, устанавливающее принцип денежной возмездности нравственного вреда, вызывает безнравственные мотивы в представлении своих граждан. Нужно проникнуться глубоким презрением к личности человека, чтобы внушать ему, что деньги способны дать удовлетворение всяким нравственным страданиям. Переложение морального вреда на деньги есть результат

Последователь философии права В.С. Соловьева А.С. Яценко выступал в защиту теории права как минимума нравственности, критикуя при этом учения Б.Н. Чичерина, Г.Ф. Шершеневича, П.И. Новгородцева, кн. Е.Н. Трубецкого³². К числу приверженцев данной теории можно отнести Ф.В. Тарановского, который вслед за Г. Еллинеком полагал, что основу любого правопорядка составляет представление о социальном значении охраняемого блага и его необходимости для защиты и развития общества³³.

Интересный подход объединения основных положений теории этического минимума предложен Е.А. Прибытковой: 1. Теория этического минимума исходит из принципиального соответствия индивидуального и социального аспектов этики. 2. Существенным моментом учения об этическом минимуме в праве составляет положение о том, что основополагающие принципы правопорядка обусловлены моральными обязанностями субъектов и призваны охранять возможность реализации последних. 3. Концепция этического минимума в праве утверждает содержательное единство правовых и нравственных требований, которые меняются от эпохи к эпохе, но всегда соответствуют друг другу в данном социальном контексте. 4. Постулируется онтологический статус нравственного элемента в праве, соответствующий минимальным стандартам должного поведения, без которого общество не может существовать и развиваться. 5. В вопросе соотношения права и нравственности теория этического минимума занимает среднее положение между позициями,

буржуазного духа, который оценивает все на деньги, который считает все проданным” (Шершеневич Г.Ф. *Общая теория права*. Учебн. пос. Т. 2. М., 1995. С. 263).

³² “Право есть совокупность действующих в обществе вследствие коллективно-психического переживания членами общества и принудительного осуществления органами власти норм поведения, устанавливающих равновесие между интересами личной свободы и общественного блага” (Яценко А.С. *Теория федерализма*. С. 175; *Его же*. Синтетическая точка зрения в юридических теориях // Журнал Министерства Юстиции. 1912 (январь). С. 13. Оценку теории А.С. Яценко и отличия интерпретации им теории этического минимума от учения Вл. Соловьева см. в кн.: Прибыткова Е.А. *Несвоевременный современник: философия права В.С. Соловьева*. М., 2011. С. 325–328.

³³ См.: Тарановский Ф.В. *Энциклопедия права*. С. 131. Ф.В. Тарановский поддерживал социально-этические функции норм права в учении Вл. Соловьева и подчеркивал “прямую объективность моральной задачи права” (Тарановский Ф.В. *Учение об этическом минимуме в праве* // *Энциклопедия права*. С. 120–127. Цит. по: Прибыткова Е.А. *Указ. соч.* С. 328).

высказанными сторонниками юснатурализма и юридического позитивизма³⁴.

Как отмечалось, нормы морали исследуются абсолютной деонтической логикой, но для права этого изучения недостаточно: правовые нормы регулируют поведение людей не только с помощью обязывающих и запретительных норм, но и с помощью предоставительно-обязывающих норм, наделяющих участников правоотношения субъективными правами и обязанностями.

Данное различие между правом и моралью взял за основу своей теории Л.И. Петражицкий, относивший к праву все нормы, содержащие притязания (“императивно-атрибутивные” эмоции), а к морали – только “императивные” эмоции, поскольку в этой области нет права притязания (например, нельзя требовать предоставления милости)³⁵.

Его концепция соотношения права и морали разрабатывалась в острой дискуссии с представителями других теорий права. С критическими замечаниями на теорию Петражицкого выступили ряд правоведов, в том числе Б.А. Кистяковский. По его мнению, понятие права в учении Петражицкого неоправданно широко. Это не понятие права, а “понятие правовой психики”. Петражицкий, утверждал Кистяковский, “отверг все, что дает современная юриспруденция, и захотел изучать не то право, которым занимаются профессиональные юристы. Вместо, однако, какого-то иного, подлинного права он обрел лишь правовую психику”. При этом Петражицкий не признавал, что он “изучает другой предмет, а думает, что он создает лишь чисто научную теорию того же предмета, который интересует и юристов-практиков. Но, с другой стороны, психологическое понятие права Л.И. Петражицкого и чересчур узко. Оно неспособно объять, а тем более определить истинную природу объективного права”³⁶.

П.И. Новгородцев, сторонник нормативно-этической теории права, замечал, что в нравственной сфере, как и в правовой, нельзя найти чисто императивной нормы. Идея нравственного достоинства и призвания личности уже содержит элемент

притязания, поэтому нравственная норма также имеет императивно-атрибутивный характер³⁷.

Однако Новгородцев несколько упрощал концепцию Петражицкого о разграничении права и морали. То, что Новгородцев называл этически-объективными нормами, Петражицкий именовал этическими эмоциями, которые подразделяются на ассоциации представлений и эмоции долга. И те, и другие могут иметь характер нормативных актов (позитивные по содержанию нормы) и могут быть интуитивными (автономными этически-ми убеждениями). Действительно, императивные нормы, по Петражицкому, – это нормы нравственности, а императивно-атрибутивные – нормы права, однако это – видовое различие права и морали. Петражицкий не признавал различия эмоций долга (существуют подвиды императивных норм). Императивно-атрибутивные эмоции имеют согласно его взгляду разные оттенки обязательности в зависимости от того, каков объект обязанности и объект права. [Существуют: положительное содеяние, воздержание (объект обязанности), претерпевание воздействия (объект долженствования)]. Таким образом, Петражицкий признавал подвиды императивно-атрибутивных норм; кроме того, связь права и морали, считал он, проявляется в том, что из понятия обязанности вытекает понятие права. Следовательно, в его основе лежит не воля (Новгородцев), не интерес (Муромцев), а долг³⁸.

Новгородцев считал необходимым опыт Петражицкого завершить до конца, т.е. провести психологическую теорию в область этики, создав отдельную, этическую теорию. Иначе представлял значение и судьбу учения Петражицкого Кистяковский. По его мнению, “эта теория должна быть превращена из теории правовой психики действительно в психологическую теорию права. Соответственно этому и в определение понятия права, данное Петражицким, должны быть введены такие признаки, при которых оно обнимало бы не всю обширную область правовой психики,

³⁴ См.: Прибыткова Е.А. Указ. соч. С. 340, 341.

³⁵ См.: Петражицкий Л.И. Очерки философии права (1900–1903); *Его же*. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии (1908) // В кн.: Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избр. труды.

³⁶ Кистяковский Б.А. Философия и социология права. С. 173.

³⁷ См.: Новгородцев П.И. К вопросу о современных философских исканиях. (Ответ Л.И. Петражицкому). (П.И. Новгородцев). (Отдельный оттиск из журнала “Вопросы философии и психологии”. Кн. XVI). Б.м.г. С. 10.

³⁸ См.: Петражицкий Л.И. О мотивах человеческих поступков, в особенности об этических мотивах и их разновидности. СПб., 1904. С. 23, 25, 26; *Его же*. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1908 // В кн.: Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избр. труды. С. 340–348 и др.; *Его же*. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб., 1909. С. 49–51, 57–62 и др.

а только само право как психическое явление³⁹. Только в этом случае, настаивал Кистяковский, психологическая теория права станет вполне приемлемой и для науки о праве, и для практической юриспруденции.

Изложенные теоретические подходы к содержанию права и морали содержат важные аспекты их соотношения.

Во-первых, социальное значение права по созданию и охране правового порядка усиливается во времена падения общественной нравственности, когда возрастает потребность расширения сферы правового воздействия.

Во-вторых, хорошо известно, что высокоморальные лица практически не совершают правонарушений⁴⁰. Это проявляется в обыденном поведении людей и их отношениях между собой. Однако данный факт возможен только в случае непротиворечия права требованиям морали. Опыт законотворчества научил законодателей не навязывать обществу правовых норм, противоречащих массовому сознанию (общественной морали), которые порождали бы всеобщий протест, или в крайнем случае не настаивать на их соблюдении. При развитии законодательства необходимо учитывать критерии справедливости норм права, однако моральное сознание общества, оценивающего текст закона, не может определить содержание лучшего закона – моральных критериев для этого недостаточно⁴¹.

Каждый человек, исходя из собственного жизненного опыта, правосознания, интеллекта, может оценить закон, но редко кто способен стать хорошим законодателем. Сила гения – в том, чтобы знать, в каких случаях необходимо единообразие, а в каких – уместны различия.

Ш.Л. Монтескьё разъяснял, что не все политические пороки являются пороками нравственными, и наоборот: не все пороки нравственные – пороки политические. “Это всегда должны иметь в виду те, кто издает законы, противные общему духу”⁴². Вообще же законодатель должен следовать “духу народа”, быть архитектором, который, прежде чем построить здание, учитывает множество необходимых для строительства факторов, а

в данном случае – оценивать моральное сознание членов общества.

Вопросам природы, содержания, соотношения права и морали наибольшее внимание уделялось в рамках естественно-правовых исследований. Этический момент в таких конструкциях заключался в том, что одновременно это и оценка настоящего с точки зрения нравственного долженствования (а не только по закону причинно-следственных связей в истории).

С позиции нормативно-этического направления нравственное начало – это абсолютная ценность: “Абсолютизм не факта, а идеи, не проявления, а сущности, не конкретного содержания, а отвлеченной формы, следовательно, не условных советов, а безусловных предписаний, как неизменное стремление к воплощению нравственного идеала”⁴³.

С позиции естественно-правовых учений соотношение права и нравственности проявляется в следующем. Во-первых, право и нравственность – это сфера идеального и должного, и она не может предполагать двойственности идеалов. Во-вторых, и нравственный, и юридический законы обращаются к внутреннему существу человека, к его воле. В-третьих, у права и у нравственности единая конечная цель – воплощение идеи справедливости и добра. В-четвертых, эта цель должна осуществляться, исходя из единого принципа личности.

Таким образом, с позиции естественного права нравственность и право представляют собой единый процесс отыскания совместного разумного сосуществования личности с обществом, равенства и свободы, имея общую цель (общее благо) при различии средств (внешнее принуждение – для права, внутреннее самосознание – для морали). Этот подход качественным образом отличался от методологии юридического позитивизма, противопоставлявшего право и мораль по источнику, объекту, последствиям.

Данные различия естественно-правовой концепции и юридического позитивизма относятся к неодинаковому пониманию и назначению права: если естественно-правовой подход обращает внимание на критическую функцию права и на возможность правового восполнения, то нормы позитивного права свидетельствуют о современном состоянии права и его соответствии уровню морального сознания членов общества.

³⁹ Кистяковский Б.А. *Философия и социология права*. С. 178.

⁴⁰ У Ш.Л. Монтескьё гл. 11 “О духе законов” называется “О том, что если народ добродетелен, то не требуется много наказаний” (*Монтескьё Ш. Избр. произв. М., 1955. С. 232*).

⁴¹ См.: *Лейст О.Э. Указ. соч. С. 193, 194.*

⁴² *Монтескьё Ш.Л. О духе законов // В кн.: Монтескьё Ш. Избр. произв. С. 415.*

⁴³ *Новгородцев П.И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. М., 1904. С. 95, 96.*

Многообразные отношения между правом и моралью характеризуются сложностью и напряженностью. Изначально право чуждо, а возможно, и противоположно природе морали, как средство по отношению к своей цели. Однако, рассматривая соотношения права и морали в понятийном и познавательном ряду как культурные ценности, очевидно, что право является средством реали-

зации моральных ценностей. Право относится к области морали, но должно при этом сохранить свои собственные природу и содержание⁴⁴.

⁴⁴ Право может только стимулировать мораль, но не в состоянии добиваться ее силой, так как моральный поступок по своей природе есть всегда акт свободы (см.: *Радбрух Г.* Указ. соч. С. 58, 59).